

Сергей Александрович Яценко

доктор исторических наук, профессор кафедры
истории и теории культуры РГГУ (125047,

Москва, Миусская площадь, 6)

E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

НЕСКОЛЬКО ОСЕТИНСКИХ ОБЪЕКТОВ С ТАМГАМИ

Аннотация. Анализируются 5 осетинских объектов XVI–XIX вв. из разных горных регионов (рис. 13) с граффити, включающими знаки-тамги (нысан). У древнего изображения лабиринта в Махческе (рис. 1–6) представлены следы одноразовой акции с 6 тамгами местной и балкарской знати. На башне в с. Баджин / Багини в ранний период изображены три тамги всех живших там кланов (рис. 8–10). Интересны укрепленные дома (ганах) с одиночной тамгой в Окрокане и Едысе / Эдиси (рис. 11). Клеймо для скота, посвященное в общеосетинское святилище Реком (рис. 12) принадлежало князьям Дударовым, имевшим разнообразные связи у осетин и соседних народов. В каждом изучаемом объекте есть знаки, имеющие древние истоки от кочевых сарматов – предков осетин, и иногда (рис. 1, 2; 11, 2) — от связанного с сарматами Кангюя в Южном Казахстане. Изученные комплексы вновь демонстрируют старые контакты осетинской элиты с соседними кабардинцами, балкарцами и ингушами.

Ключевые слова: Осетины, тамги (нысæн), XVI–XIX вв., знать, преемственность форм от сарматов, связи с соседними народами

Для цитирования: Яценко С. А. Несколько осетинских объектов с тамгами. NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX С. 142–172.

Рукопись поступила в редакцию 9.09.2024

Рукопись принята к печати 30.09.2024

Sergey Aleksandrovich Yatsenko

Dr. Hab., Department of the History and
Theory of Culture Russian State University
for the Humanities (125047, Moscow,
Miuskaya sq., 6)

E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

SEVERAL OSSETIAN OBJECTS WITH TAMGAS

Abstract. 5 Ossetian objects of the 16th–19th cc. from the different mountainous regions are analyzed (Fig. 13) with graffiti including the tamga signs (nysan). The ancient image of the labyrinth in Makhchesk Village (Figs. 1–6) shows the traces of a one-time action with 6 tamgas of local and Balkar nobility. The tower in the village of Bajin / Bagini in the early period depicts three tamgas of all the clans who lived there (Figs. 8–10). The fortified houses (ganakh) with a single tamga in Okrokana and Edys / Edisi are also interesting (Fig. 11). The stamp for cattle dedicated to the all-Ossetian Rekom Sanctuary (Fig. 12) belonged to the Dudarov princes, who had various connections among the Ossetians and neighboring peoples. In each studied object there are the emblems of ancient origins from the nomadic Sarmatians, the ancestors of the Ossetians, and sometimes (Figs. 1, 2; 11, 2) — Kangju state in Southern Kazakhstan associated with the Sarmatians. The studied complexes once again demonstrate the old contacts of Ossetian elite with neighboring Kabarda peoples, Balkars and Ingush.

Key words: Ossetians, Tamgas (Nysæn), 16th–19th cc., nobles, succession of forms from Sarmatians, communications with neighboring ethnic groups

For citation: Yatsenko S.A. Several Ossetian objects with tamgas. NARTAMONGÆ 2024. Vol. XIX, P. 142–172.

Received on 9 September 2024

Accepted on 30 September 2024

Здесь рассмотрены пять комплексов с осетинскими тамгами, которые до сих пор либо не публиковались вовсе, либо публиковались лишь с белым упоминанием и фрагментарными неточными прорисовками граффити с тамгами (плита у с. Махческ). Как известно, экономическая и политическая ситуация XVI — середины XIX вв. в районах проживания осетин не способствовала активному использованию ими фамильных (клановых), патронимических эмблем или эмблем отдельной семьи (ирон. *нысæн*); к тому же, этих знаков было не так уж много, поскольку они, за редкими исключениями, использовались лишь знатными семьями [Яценко 2023: 436–437]. В

отличие от, например, многих регионов Европы и от Японии, где существовало многочисленное рыцарство, от некогда могущественной кабардинской знати, осетины не только не привыкли гордиться своими фамильными эмблемами, но и пока очень мало их знают. Иными словами, этот источник информации по генеалогии и межрегиональным коммуникациям слабо документирован, мало изучен современной наукой, и является сюжетом, почти не привлекающим внимание осетинской общественности. Однако у предков осетин — сарматов и средневековых аланов — картина была иной: нысæн / перс. nishan, несомненно, широко пользовались, ими гордились, и они были важной частью этнокультурной идентичности. Одна из целей моих работ по этой знаковой системе — вызвать интерес в обществе к некогда важной и незаслуженно забытой части культурного сармато-аланского наследия. Членам тех фамилий, знаки которых надежно документированы, стоит знать и использовать свои старинные эмблемы. Пять изучаемых здесь объектов (в четырех случаях это граффити на разных каменных сооружениях) весьма разнообразны по назначению и размерам¹.

1. Плита с лабиринтом у с. Махческ.

Знаменитый памятник (один из символов Осетии) — это отшлифованная когда-то горной речкой Айгамуга уплощенная плита из красноватого гранита длиной до 1,35 м, толщиной до 30 см и весом около 500 кг (рис. 3; 6). Плита до 1938 г. лежала в Уллагкомском ущелье, в бывшем Тапан-Дигорском обществе горной Дигории, в 0,5 км к ССЗ от селения Махческ, на безлесном склоне горы Далугагаты Кубус, у старой и нечасто используемой дороги, в небольшой низине (полянка Къубусы Зæронд) между окончанием склепового могильника селения и подъемом к находящемуся отдельно на скале замку-галуану Астановых² (позже перешедшему к Абисаловым) (рис. 1). 1 декабря 1938 г., перед перевозкой в республиканской музей в г. Орджоникидзе (Владикавказ)³, объект был сфотографирован в разных ракурсах *in situ* — на своем «изначальном» месте (рис. 2). Плита лежала так, что изображение 7-витового лабиринта (с более редким для

¹ Статья была бы невозможна без помощи ряда коллег и друзей, предоставивших мне ценную информацию и / или фотоматериалы. Это А. А. Сланов, А. А. Цуциев, А. Л. Чибиров и М. А. Цагараев (Владикавказ), Г. С. Карсанов (Цхинвал), А. Е. Афанасьев (Актау), А. Г. Донец (Шымкент) и С. Б. Лукина.

² Эта фамилия происходила именно из Махческа.

³ Во Владикавказе плиту дважды перемещали в разные здания музея (ныне Национальный музей РСО-Алания). В нынешний музейный комплекс она попала с 1969 г.; ее там долго держали во дворе, и, наконец, она оказалась в экспозиции.

таких лабиринтов входом справа, против часовой стрелки) было более-менее точно обращено к тропинке, ведущей от некрополя. В народе это место связывалось со входом в подземный дом эпического трикстера Сырдона, а сам лабиринт считался схематичным изображением этого дома. После удаления плиты вокруг нее сразу был заложен Е. Г. Пчелиной разведочный раскоп, не давший практически никаких находок (то есть приношений из неорганических материалов выявлено не было) [Блажко, Онощенко 2022: 127–133]. Однако здесь, конечно, могли быть когда-то и приношения из органики (полоски тканей и т. п.), которые не сохранились. На камне и на собственном изображении лабиринта в его центре совершались различные обряды, которые в 1920-е — 1930-е годы были уже почти забыты, и информация о них дошла в народном сознании с явными искажениями. Отчасти интересны легендарные сведения о том, что перед вхождением в лес на другом склоне горы проходим полагалось делать поклон камню и касаться его зубами [Миллер 1927: 45–46], а также о том, что вдоль ходов лабиринта в ряде ситуаций водили палочкой, пока не находили выход [Кокиев 1935: 226–227]. Легенды, касающиеся разных вариантов смертельных наказаний людей, оказавшихся в определенных обстоятельствах у лабиринта [Блажко, Онощенко 2022: 126], явно отражают не столько реальные практики, сколько мифологические представления, связанные с древним назначением таких конструкций.

Судя по аналогиям, лабиринт может относиться как к эпохе бронзы (так думали обычно ранние исследователи), так и к античности, а окружающие его тамги (выполненные в иной технике и весьма небрежно, грубо) — следы более поздних акций. Очень близкий тип лабиринта бытовал (и даже бытует) от бронзового века Британских островов и испанской Галисии, от раннеантичной Италии и классической Греции до прибалтийской Скандинавии [см., например, Краузе 2012: рис. 1; 29–30] и современных индуистских святынь Индии, демонстрируя древнюю традицию. Однако известные нам лабиринты ираноязычных предшественников осетин в одних случаях сопровождаются зоо- и антропоморфными фигурами, а ходы внутри проложены по часовой стрелке со входом слева (при этом у сарматского лабиринта у входа в Байте III имеется тамга) [Яценко 2022: 452–454] (рис. 5, 1–2)⁴. В других случаях они иные по облику, как у средневековых

⁴ Классические лабиринты со входом против часовой стрелки, справа, и по конструкции максимально близкие махчскому, в бронзовом веке известны в Галисии (Мейсе), в ранней античности встречены в Северной Италии (этрусский кувшин из Тральятеллы, петроглиф в Валькамонике). Известны они также на острове Готланд (у Висбю) и соседнем островке Южный Виргин и т.п. У входа в сооружение в Мейсе тоже изображен знак типа тамги. См. также: <https://dzen.ru/a/YMTJO-cvkzL311Zl>.

аланов (квадратные и с совсем иной схемой ходов, как на Кяфарском городище)⁵ [Аржанцева, Албегова 1999: рис. 3; 7] (рис. 5, 3).

Для корректной прорисовки мне требовалась серия качественных фото плиты вертикально сверху, а также в ряде — других ракурсов при хорошем и равномерном освещении. Это в основном удалось сделать только в октябре 2024 г. благодаря помощи директора Музея А. А. Цуциева (см., например, рис. 3–4). Что же до строго вертикального снимка, то своеобразная ирония заключается в том, что он был сделан при загадочных обстоятельствах анонимом для Интернет-публикации со вполне фантастическими выводами [Тайны 2018]. В результате совмещения разных подобранных фото мною сделана корректная прорисовка изображений на плите. Она включает 6 тамг, размещенных полукругом вокруг лабиринта, а также, видимо, пару неудачных заготовок знаков (?) (рис. 6). Самые крупные тамги №№ 1–4 нанесены так, как это было удобно подходившим к камню от проходящей рядом дороги. *Рассмотрим теперь эти эмблемы.* Половина знаков (в том числе — две самых крупных тамги №№ 1–2) нанесена весьма небрежно (№№ 1, 2, 4), остальные близки к «печатной», парадной форме. Помимо двух крупных знаков, здесь представлены еще две пары тамг, хозяева которых были явно родственниками: те, в основе которых лежит фигура «Λ» (№№ 3–4), и те, что имеют в основе полукруг (№№ 5–6). Показательно, что с позиции подходящих к плите с дороги первые находятся слева, а вторые справа, то есть обе пары таких тамг, похоже, сознательно сгруппированы. Все 6 тамг могли быть нанесены полукольцом вокруг старинного лабиринта *одновременно*, в ходе некой акции.

Прямо у входа в лабиринт размещена крупная *тамга № 1*. С идентификацией этого знака нет проблем. Как уже отмечалось, она принадлежала влиятельным местным бадилята Тапан-Дигорского общества (Бзаров 2020: 63–80) *Каражаевым* (среди прочего, первыми переселившимся на Равнину, в тогдашнюю Малую Кабарду) [Яхтанигов 1993: 178: № 9; Марзоев 2014: табл. 4, № 6]. Не удивительно, что эта тамга представлена и в других скоплениях осетинских тамг Дигорского ущелья и его боковых ответвлений в связи с посещением домов уважаемыми гостями. Так, в соседнем Галиатском обществе в ущелье Уаллагком, в с. Галиат, эмблема Каражаевых есть и на таких известных объектах, как плита в стене укрепленного дома в центральном квартале Мидгъау и дверь кунацкой в замке Битуевых [Яценко 2023: 441, 446, рис. 2, № 24; 6, № 2] (рис 7, 1–2). Вместе с тем, она отмечена на одной из башен в с. Бейни, в контактной ингушско-осетинской зоне в Джейрахском ущелье (рис. 7, 3). Форма этой осетинской аристокра-

⁵ В позднесредневековой Западной Европе известны игральные доски в виде лабиринта формы, подобной кяфарским.

тической тамги — очень древняя, и идентичная эмблема бытовала у сарматов еще в I в. н. э. (кувшин с серией тамг из слоя пожара 46 г. н. э. в боспорской крепости Артезиан в Восточном Крыму [Винокуров, Яценко, Чореф 2024: рис. 1, № 3]⁶). Этот знак гравирован в серии сарматских в гроте 37 Каменной Могилы в Северном Приазовье и на одной из плит со скоплением тамг в Танаисе [Яценко 2001: рис. 13, Шв; 23, в] (рис. 7, 4). Показательно использование этой тамги, в сериях других сарматских, у народов, соприкасавшихся с сарматами на севере и на западе. Например, те римские легионеры, которые незадолго воевали с сарматами на Дунае во II в. н. э., привлекали этот знак (и некоторые другие сарматские) для декора своего оружия и конской упряжи (Волюбилис в Марокко) [Яценко, Рогожинский 2021: рис. 18]. Эта сарматская тамга в I–II вв. н.э. бытовала и у сарматов на востоке Дакии, а после середины II в. попала, вместе с другими сарматскими, на ритуальные копья германских союзников-готов (Подлѣдув на юге Польши). Благодаря «политическим» бракам со знатью северных лесных позднедыяковской и мощинской культур, она оказалась на местном изделии под Калугой (подвеска из Мощинского клада), как и другие тамги сарматских типов в округе [Яценко 2020: рис. 2; 4; 5, № 2]. Итак, «тамга Каражаевых» известна в сармато-алано-осетинской среде 2000 лет, с рубежа н. э. Тесные связи Каражаевых с западными соседями – балкарцами проявлялись еще в начале XVIII в., когда последние приглашали их решать земельные споры. Не удивительно, что одна из балкарских фамилий (Келеметовы) имела идентичную тамгу [Яхтанигов 1993: 48, 173].

Со знаком № 2 дело обстоит намного проще. Он остался не документированным для осетинских фамилий, нет его и у других народов Центрального Предкавказья. Не известен он пока также у средневековых аланов и более ранних сарматов. Однако ближайшая аналогия его форме известна в древней «кочевой империи» Кангюй на юге Казахстана, тесно связанной этнически и политически с сарматскими группировками. Это тамга на парадной фляге в слое пожара небольшой крепости Бака-тобе, погибшей в середине IV в. от нашествия «гуннов» [Яценко и др. 2020: 163; рис. 6–8, 6–9] (рис. 7, 5).

Остальные знаки имеют простые формы, причем №№ 4 и 6 бытовали у сарматов уже в I в. н. э. на Западной Украине и в предгорьях Крыма [Яценко 2001: рис. 5, №№ 16, 81]. В позднее время *тамга № 4* известна (и именно в таком развороте знака) у соседних с Дигорией балкарцев (Туменовы) [Яхтанигов 1993: 174: № 37–38]. Вероятно, человек из этой фамилии был приглашен для участия в некоей акции (заключение союза?) у древнего изображения лабиринта.

⁶ Поддержка претензий Митридата III на боспорский трон к этому времени исходила от кубанских сарматов-сираков [см., например: Яценко, Чореф 2022: 144].

2. Граффити на башне Битаровых в с. Баджин.

Эта эффектная 4-этажная башня (датируется, увы, приблизительно — XVI–XVIII вв.) со входами на двух этажах, с машукулями и т. п., прекрасной для осетинских селений сохранности на высоте около 2200 м (рис. 8) уже давно привлекала внимание специалистов по архитектуре [Закарая 1969: 129–130; рис. 43], чего никак не скажешь о многочисленных разновременных граффити на ее внешних стенах. Башня принадлежала Битаровым – выходцам из с. Садон в Алагирском ущелье. Кроме них, в этом самом верхнем и суровом по условиям селении Чысандона (Ксанского ущелья) *общества Дзимыр* проживали также Дзедисовы и Бедоевы. Все три фамилии происходили из совершенно разных северных ущелий Осетии. На зиму из-за постоянной угрозы снежных лавин люди уходили отсюда жить на другой берег реки, в два селения, расположенные ниже и принадлежавшие тем же Битаровым [Сланов 2017: 151–152, 188]. Мною публиковалась тамга при главном входе (на втором этаже) в башню [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023: рис. 14, 10], но прорисовка базировалась на нечетком фото Ю. М. Бетеева и оказалась не вполне точной. Реально эту башню в покинутом с 1945 г. Баджине (груз. Багини) удалось посетить лишь в августе 2024 г., вскоре после прокладки обновленной дороги в верховья ущелья.

Основная часть граффити концентрируется здесь на двух стенах — юго-восточной и юго-западной, и они совсем отсутствуют на северо-западной стене, обращенной в сторону от человеческого жилья, вглубь знаменитого Кельского вулканического плато, к Кельскому озеру (Кельцад, уровень 2925 м) (рис. 10, 8). Старые граффити выбиты достаточно глубоко инструментом с широким лезвием, дающим неровные края; более поздние процарапаны острым и тонким лезвием ножа. Значительную часть гравировок, как и на других осетинских памятниках, составляют *кресты* – как «вертикальные» (4 экз.), так и «косые» (7 экз.) на названных смежных стенах. Косые кресты на юго-восточной стене, а вертикальные – на юго-западной подчас образуют явные пары. Обычно отдельные фигуры на них видим на высоте до уровня глаз человека, размером чаще всего в пределах 10–20 см; однако, встречаются и высоко расположенные изображения, сделать полноценные фото которых можно лишь большого расстояния хорошим объективом. Формат статьи не позволяет привести здесь *все* многочисленные гравировки (в том числе – небрежные и как бы неоконченные геометрические фигуры, три позднейших грузинских и осетинских надписи посетителей и т.п.). Наиболее важные плиты с граффити приведены в цвете (рис. 9). Сюжетных изображений среди них немного, и все они единичны, не образуя композиций. К ним относятся *два изображения ладони*:

обычной пятипалой правой у главного входа на втором этаже (рис. 9, 1; 10, 1) и четырехпалой и левой у южного угла на юго-восточной стене (рис. 9, 3; 10, 5). Левая и четырехпалая рука во многих архаических традициях ассоциировалась с женским началом [см., например: Иванов 1972: 127–129]. Если первая ладонь вырезана аккуратно и неглубоко при входе рядом с тамгой № 1 хозяев башни (см. ниже), то вторая дана отдельно, гравирована грубо, объемно и гораздо более глубоко. Другие изображения нанесены тонким лезвием и выглядят более поздними; они представлены на юго-восточной стене, обращенной в сторону расположенного ниже, соседнего селения Дзибигата. Во-первых, это крайне схематичное и незавершенное изображение копытного, как бы вписанное в край более ранней, крупной и глубоко гравированной тамги № 2 (рис. 9, 5; 10, 2, 6). Думается, это, как и на других отчасти сходных граффити горной Осетии, *лошадь* (ср., например: Яценко, Сланов, Хутинаев 2023: 562, 569; рис. 5, 8). Кроме этого, здесь видим в двух разных вариантах изображения прямоугольных, расчерченных внутри на секции «игральных досок» (см. один из них, менее обычный: рис. 10, 7)⁷. Известна также *змееобразная фигура*, которая ниже сопровождается двумя упомянутыми разновеликими косыми крестами (рис. 9, 4; 10, 8). Наконец, неподалеку от них на той же стене изображена группа композиций, состоящих из пересекающихся под разными углами *неправильных треугольников* и довольно длинных «уголков».

Обратимся теперь к *тамгам* на этой башне. Прежде всего, эта самая крупная, глубоко и аккуратно вырезанная *эмблема № 1* рядом с правой ладонью слева от главного входа в башню (рис. 9, 1; 10, 1). Несомненно, она принадлежит Битаровым. Точных аналогов ей у сарматов и средневековых аланов нет, как нет и у других народов Центрального Предкавказья (отдаленной аналогией можно считать варианты карачаевской тамги Айсандыровых [Яхтанигов 1993: 175: №№ 10–11]). Вторая *тамга № 2* вырезана симметрично ей справа от входа, но тонким лезвием и очень аккуратно (рис. 10, 3). Точных аналогий ей тоже нет, но зеркальный вариант (по горизонтали, что являлось допустимой вариацией одного знака у сарматов) представлен на зеркальце I в. н. э. с серией тамг в могиле 102 1999 г. в некрополе Кобяково у устья Дона [Яценко 2018а: рис. 9, № 7]. Близкий вариант известен еще среди сарматских тамг в полузаброшенном уже храме Байте III (самый значимый и обильный участок 1 под лестницей) [Яценко и др. 2019: 82; рис. 6, № 262]; близкий знак также документирован у осетин

⁷ Яркий пример нескольких расположенных рядом изображений таких «игральных досок» — серия более крупных прямоугольных образцов в нижних рядах кладки западной стены башни Дзасоховых в с. Стыр Тли, сфотографированных мною в августе 2023 г.

на двери в домовладении Текоевых в с. Задалеск⁸ [Яценко 2023: рис. 8, № 11] (там она помещена в самом центре двери рядом с другим знаком, близким нашей тамге № 1). Третья старая *тамга № 3* изображена глубокими и широкими линиями примерно в центре юго-восточной стены (рис. 9, 5; 10, 2). Она состоит как бы из трех находящихся впритык друг к другу элементов, что можно считать своеобразной стилизацией. Близкая ей тамга известна уже в раннем средневековье в контактном тюрко-аланском центре на Хумаринском городище [Лавров 1978: № 1142]. *Что означают старые тамги, вырезанные по сторонам главного входа в башню и на самой обильной изображением юго-восточной стене? И почему их именно три?* Я думаю, у этой загадки может быть простое решение: в селении жили как раз представители трех фамилий — хозяева — Битаровы, а также Дзебисовы (из с. Харисджин в Куртатинском ущелье) и Бедоевы (из с. Джимара в Тагаурии)⁹. Если они и не участвовали вместе в строительстве башни, то ее могли использовать вместе при атаках врагов (в этом маленьком и сезонном селении башня была единственной). Однако на юго-западной стене, на небольшом, узком и светлом камне имеется еще одна *тамга № 4*, причем в весьма любопытном контексте (рис. 9, 2; 10, 4). Большую часть этого камня занимает надпись, сделанная в советское время (без «ять» и прочих букв, отмененных большевиками), но до переселения отсюда осетин центральной властью с 1945 г. Здесь тонким лезвием и крайне небрежно написано: «Саба [грузинское и осетинское имя] Саб[а] Дзибисов Саба». Магическое повторение трижды своего имени подряд интересно, но еще интереснее то, что фамилия живших в этом селении Дзебисовых написана *с ошибкой*. В верхнем левом углу надпись начинается тамгой № 4, которая вырезана более глубоко и тщательно, чем сам текст. Что это означает в контексте сказанного ранее? Вероятнее всего, речь идет о знаке одной из *патронимий* фамилии Дзебисовых. Интересна и форма тамги. Она известна в I–II вв. н.э. в «кочевой империи» Кангюй, связанной с сарматами (венчик большого сосуда-хума с поселения Алтынтобе в политическом центре державы) [Яценко и др. 2019: 164; рис. 1, (9)]. На территории средневековой Алании она представлена в крепости Хумара [Яценко 2001: рис. 36, 18]. Что касается недавнего Центрального Предкавказья, то идентичный знак был известен у влиятельной в будущей равнинной Осетии (Малая Кабарда) ка-

⁸ Именно эта фамилия, как известно, организовывала в Задалеске празднование в честь почитаемой женщинами всей Осетии Задалески Нана [Яценко 2023: 447].

⁹ Любопытно, что именно в этом, самом дальнем, высоком и неудобном для жизни из 19 поселений общества Дзимыр обитали не одна-две фамилии, а целых три [ср.: Сланов 2017: 151].

бардинской знати (Хасановы) [Яхтанигов 1993: 26], а его зеркально отраженная (по горизонтали) версия — у Асановых и Тоховых [Яхтанигов 1993: 144, 146: №№ 693, 840].

В целом серия из не менее чем 25 отдельных изображений на башне Битаровых представляет немалый интерес для понимания граффити самых высокогорных районов Южной Осетии, тем более, что в других пунктах Чысангома такие гравировки пока не выявлены.

3. Тамга на укрепленном доме в с. Верхнее Окрокана.

Ущелье Трусо (Тырсыгом) с недавних пор утратило все свое старое осетинское население, но речь идет о материалах экспедиции 2005–2006 гг. (фото предоставлено А.А. Слановым). По данным последнего, при разборе фото могла возникнуть небольшая путаница, но, видимо, речь идет об одном из домовладений в Верхнем Окрокане. На стене ганаха изображена уникальная композиция: крупная тамга, и к ней протягивает левую руку (в ней также держа посох) стоящий человек, обращенный к эмблеме в профиль (рис. 11, 1–2). Иными словами, на тамге здесь акцентируется внимание зрителя. К сожалению, хозяев дома выяснить не удалось.

Сам тип знака хорошо известен уже сарматам. Практически идентичная тамга представлена на зеркальце-подвеске из могилы 106 некрополя Бельбек IV в Центральном Крыму (предмет датируется около середины II в. н. э.) [Яценко 2018а: рис. 1, № 17]¹⁰. Идентичную тамгу видим также на городище Канка – столице древнего Чача (Ташкентский оазис), некогда входившего в состав Кангюя [Яценко и др. 2019: 216: рис. 5, II, 56]. Тот же знак изображен на сарматском зеркальце I–II вв. н.э. из Крепостного городища в устье Дона [Указ. соч.: рис. 10, № 4], однако здесь он положен на левый бок. Именно в таком варианте мы видим ее в недавние времена у народов Центрального Предкавказья, что можно считать общим сармато-аланским тамговым наследием. Такая тамга известна и у осетин: положенная на левый бок, она гравирована на склепе 2 у Камунты (общество Галиат) (рис. 11, 3). В таком же положении она представлена и ингушко-осетинской контактной зоне Джейрахского ущелья (башня в с. Эзми) (рис. 11, 4). В том же «лежачем» варианте изображали ее и у кабардинской знати (Ногмовы) [Яхтанигов 1993: 144; № 693].

4. Тамга на укрепленном доме Албеговых в с. Едыс.

В начале лета 2024 г. известный знаток Южной Осетии и туроператор Гурам Карсанов ознакомил меня с видео и фото остатков нижней части

¹⁰ Отличие заключается лишь в маленькой точке в центре круга (это может объясняться технологией отливки таких мини-зеркал).

стен сильно разобранного дома, некогда принадлежавшего фамилии Албеговых в селении Едыс в верховьях Большой Лиахвы (Урстуалгом). На одном из небольших камней у южного угла здания была тщательно выбита тамга хозяев (рис. 11, 5). Ее любопытная и редкая особенность – наличие дополнительных симметричных точек. Однако в конце августа, когда я осмотрел остатки дома, камень с тамгой обнаружить уже не удалось (здесь проводились земляные работы бульдозером для расширения трассы водопровода в Цхинвал). В очень пестром по составу жителей и заселенном выходцами из 11 фамилий Едысе были и Албеговы, однако их представители здесь уже довольно давно вымерли из-за одной эпидемии. Речь наверняка идет о знаке *одной из патронимий* этой обширной и широко расселенной осетинской фамилии. Неподалеку в июле 2023 г. была отмечена одинаковая тамга на еще одном сильно разобранном ганахе в том же селении; она принадлежала фамилии Бегизовых [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023: 566; рис. 12, 4–5]. Оба таких укрепленных дома построены вдоль единственной улицы селения (она вела вверх, к с. Кабузта), петлявшей от моста через р. Каласани; знаки обращены к югу, к текущей рядом речке. Однако эмблема Албеговых размещалась на видном месте, в самом верхнем и последнем доме селения, тогда как у Бегизовых стена со знаком была обращена в небольшой проулок (рис. 11, 6). Тип тамги Албеговых — явно древний, еще сарматского происхождения, т.к. близкие формы известны в крупнейших скоплениях сарматских тамг античных городов Северного Причерноморья – на «писаной» плите 1871 г. из Керчи и ольвийском мраморном льве № 1 [Драчук 1975: табл. III, 141; V, 236]. В «этнографическом» Центральном Предкавказье близкий знак бытовал у неизвестной карачаевской фамилии [Яхтанигов 1993: 177, № 153].

5. Тамга с князей Дударовых в святилище Реком.

В 1936 г., в начале крайне необходимой реставрации¹¹, Е. Г. Пчелина зарисовала в общеосетинском святилище Реком в Цейском ущелье одно из приношений — штемпель для клеймения скота, точнее — его рабочую часть. Рисунок попал затем в будущий Национальный музей РСО-Алании (3614/42125, № 51245) (рис. 12, 1). Материал предоставлен А. А. Слановым. Сама Е. Г. Пчелина не давала на счет тамги никаких комментариев (что естественно, т.к. возможности реального изучения осетинских тамг появились лишь в последние 20 лет). Однако сейчас ясно, что речь идет о

¹¹ Многие ценные приношения в Рекоме были расхищены приезжими «туристами» уже в самом конце XIX в. К 1936 году «святилище было близко к разрушению»: здание сильно накренилось, часть конструктивных балок сгнила, а крыша была в полной негодности [Кузнецов 1990: 11–12].

тамге богатейших феодалов Осетии — тагаурских князей (алдаров) Дударовых [Марзоев 2021а: табл. 1, № 8]¹². Эта же тамга была изображена в центре скопления тамг кланов из всех основных районов Северной Осетии на стене их дома в с. Чми [Яценко 2023: 455; рис. 15, 3, № 8] (рис. 12, 2). Она же гравирована на башне у селений Балкой — Ценге в Джейрахском ущелье (известно, что здесь у Дударовых было несколько своих башен [Марзоев 2021б: 36]) (рис. 12, 3). Активные связи Дударовых с влиятельными кабардинскими фамилиями отражены в наличии идентичных тамг у Агулбековых и Тхукулмачевых [Яхтанигов 1993: 137, 146: №№ 30, 865].

Тип тамги Дударовых — тоже очень древний, сарматский: он известен на небольшом фрагменте (длиной около 4 см) каменной плиты с серией знаков), найденном в 1994 г. в Танаисе (рис. 12, 4), а также на оселке с двумя знаками (побратимов?) из кургана I–II вв. н.э. у с. Займо-Обрыва под Азовом [Яценко 2018б: 74; рис. 2, 3]¹³. При этом Реком посвящен Уастырджи, тогда как обряды, совершаемые для клеймения скота с участием жреца, проходили у святилищ громовежца Уациллы (Гатиев 1876: 30; Яценко 2001: 17). Гораздо более древние и иные обряды с тавром для клеймения, содержащим тамгу, мы знаем у сарматов (положение в могилу аристократа вместе с символической конской упряжью: Кирсановский III, курган 2) и связанных с ними кангюйцев Южного Казахстана (нанесение линии из разных тамг штемпелями на парадную флягу: одна из фляг в крепости Бака-тобе) [Яценко и др. 2020: рис. 6, 9–11].

Здесь были рассмотрены разные примеры не опубликованных корректно, с нужными комментариями или вообще пока не привлекавших внимания осетинских сооружений и изделий с тамгами. В каждом из этих комплексов есть знаки, происходящие от древних сарматов степей Восточной Европы, а в случае с плитой из Махчеса и дома в Окрокане — также с территорией связанного с сарматами южноказахстанского Кангюя. Сохранение в основе сарматского тамгового фонда спустя 2000 лет у осетин и других народов Центрального Предкавказья отмечалось мною уже давно, и

¹² Существует множество версий исходного происхождения клана Дударовых: от осетин колена Сидамона, от древних персов, от чеченцев или от кабардинцев [Марзоев 2021б: 35].

¹³ Такой знак гравирован в крупном формате и на знаменитом угловом камне 14 с большим скоплением тамг Большого Салбыкского кургана в Хакасии [Яценко, Рогожинский 2021: рис. 14]. Это скопление (как и многие петроглифы на оградах тагарских курганов) явно относится уже к следующей тесинской культуре сарматского времени, и ее носителей антрополог М. А. Балабанова (Волгоград) считает наиболее близкими в Евразии по антропологическому облику носителям будущей позднесарматской культуры.

это - значимый культурный феномен [Яценко 2001: 12–17]¹⁴. Наглядны для ряда рассматриваемых объектов и связи с влиятельными кланами (фамилиями) соседних кабардинцев, балкарцев и ингушей (их участие в совместных акциях, браки и т. п.). Количество интересных объектов с осетинскими тамгами растет медленно, однако нас, несомненно, ожидает немало интересных открытий, и они происходят регулярно и неожиданно.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Место находки плиты с лабиринтом у с. Махческ. 1 — вид на замок Астановых (позже — Абисаловых) с юга; 2 — вид с башни Астановых на юг (фото автора, 2021 г.). Крестиком и цифрой 1 отмечено место размещения плиты до 1938 г.

Рис. 2. Плита с лабиринтом *in situ* перед ее перевозкой в г. Владикавказ (фото Е. Г. Пчелиной 1938 г.) [Блажко, Онощенко 2022: рис. 1-2]: 1 — вид с северо-запада; 2 — вид с юго-востока (от дороги к замку Астановых).

Рис. 3. Плита из с. Махческ в экспозиции Национального музея РСО Алания (фото А. А. Цуциева, 2024 г.).

Рис. 4. Боковые стороны плиты из с. Махческ: 1 — фото А. А. Цуциева, 2024 г. (вид со стороны тамги 4); 2 — вид со стороны тамг 2–3 [Тайны 2018].

Рис. 5. Типы лабиринтов в культуре сарматов и средневековых аланов: 1 — плита внешней стены святилища Байте III (фото А. Е. Афанасьева); 2 — прорисовка граффити на плите [Яценко 2017: рис. 1, 1]; 3 — чашечный камень № 2 на Кяфарском городище (автор фото неизвестен).

Рис. 6. Изображения на каменной плите у с. Махческ (рис. автора).

Рис. 7. Античные и «этнографические» аналогии тамгам 1 и 2 на плите из Махческа: 1 — плита с тамгами в стене дома в с. Галиат (фото автора, 2020 г.); 2 — дверь кунацкой Айларовых из с. Нижнее Кани [Яценко 2023: рис. 9]; 3 — башня в с. Бейни [Дзаурова 2019: 291]; 4 — фрагмент плиты из Танаиса, Новочеркасский музей истории донского казачества (рис. С. М. Ильяшенко); 5 — фрагмент фляги с тамгой из Бока-тобе [Яценко и др. 2020: рис. 6-9]; 5а — тип тамги в Бока-тобе (рис. автора).

Рис. 8. Башня Битаровых в с. Баджин (фото автора, 2024 г.): 1 — вид с востока; 2 — северо-восточная стена; 3 — южный угол; 4 — [Закарая 1969: рис. 43].

¹⁴ То, что не все типы упомянутых тамг на сегодня археологически документированы в «промежуточном» средневековье, отнюдь не кажется странным: изучено Центральное Предкавказье весьма неравномерно, а актуальность и объекты размещения этих эмблем со временем менялись, и в средневековье преобладающее значение, видимо, имело нанесение их на клейменых телах домашних животных (археологически не выявляемое).

Рис. 9. Наиболее значимые участки граффити башни Битаровых: 1 — входной проем второго этажа с тамгой Битаровых (северо-восточная стена); 2 — надпись и тамга Сабы Дзебисова (юго-западная стена); 3 — четырехпалая кисть руки (юго-восточная стена); 4 — дугообразная фигура и кресты (юго-восточная стена); 5 — фигура животного и тамга (юго-восточная стена). Фото 3 и 5 даны «на левом боку» (фото автора).

Рис. 10. Основные граффити башни Битаровых и аналогия одной из тамг (8): 1 — тамга и ладонь слева от главного входа (2-й этаж), северо-восточная стена; 2 — тамга, юго-восточная стена; 3 — тамга справа от главного входа, северо-восточная стена; 4 — надпись и тамга Сабы Дзебисова, юго-восточная стена; 5 — четырехпалая ладонь, юго-западная стена; 6 — животное и часть тамги, юго-восточная стена; 7 — геометрические композиции, юго-западная стена; 8 — план размещения граффити; 9 — тамга на хуме с поселения Алтынтобе. Рисунки автора; фото А. Г. Донца.

Рис. 11. Тамги на укрепленных домах (ганах): 1 — с. Верхнее Окрокана (фото А. А. Сланова); 2 — граффити (рис. автора); 3 — с. Камунта, склеп 2 [Тменов 1996: рис. 79]; 4 — с. Эми, башня [Дзаурова 2019: 322]; 5 — с. Едыс. Тамга на доме Албеговых (фото Г. С. Карсанова, 2024 г.); 6 — одиночные тамги на домах в с. Едыс (рис. автора).

Рис. 12. Тамга князей Дударовых на клейме для скота из святилища Реком и аналогии: 1 — клеймо в Рекоме (рис. Е. Г. Пчелиной, 1936 г.). Национальный музей РСО-Алания, 3614/42125, № 51245; 2 — скопление тамг на стене дома Дударова в с. Чми (рис. А. П. Круглова, 1934 г.); 3 — башня у с. Балкой — Ценге [Дзаурова 2019: 284]; 4 — Танаис, 1994 г. (рис. С. М. Ильяшенко).

Рис. 13. Основные осетинские селения, упоминаемые в статье (основные пункты и аналогии), и центры горских обществ (рис. автора).

ЛИТЕРАТУРА

Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культурные камни Кяфарского городища. Древности Северного Кавказа. М.: Институт археологии РАН, 1999. С. 183–200.

Бзаров Р. С. Дигорское общество Алании: очерки социальной истории. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2020. 144 с.

Блажко А. В., Онощенко В. В. «Весомый вклад»: Е. Г. Пчелина и махеский лабиринт (музейно-археологическая зарисовка). Археология, этнография и языки Кавказа. СПб., 2022. Вып. 3. С. 118–151.

Винокуров Н. И., Яценко С. А., Чореф М. М. Серия тамг на сосудах с городища Артезиан: контекст находки. *Stratum plus*. Кишинев, 2024. № 6 (в печати).

Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин. ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 1–83.

Дзаурова Т. А.-Х. Ингушский национальный орнамент. М.: Delibri, 2019. 376 с.

Драчук В. С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.

- Закарая П. Древние города и крепости Грузии. Тбилиси: Мерани, 1969. 280 с.
- Иванов Вяч. Вс. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 105–148.
- Кокиев Г. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 217–234.
- Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ: Ир, 1990. 200 с.
- Краузе Э. Славянские ключи к нордическому мифу. М.: Вече, 2012. 400 с.
- Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978. 184 с.
- Марзоев И.-Б.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII — начале XX веков. Владикавказ: Перо и кисть, 2014. 416 с.
- Марзоев И.-Б. Т. Дамгъæ. Алания от А до Я. Владикавказ: Проект-Пресс, 2021а. С. 118–122.
- Марзоев И.-Б. Т. Тагаурские алдары Дударовы и общественно-политические события на Северном Кавказе XVIII–XIX вв. Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2021б. Вып. 39. С. 34–48.
- Миллер А. А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 4. Вып. 1. С. 15–76.
- Сланов А. А. Исторические области Южной Осетии. Владикавказ: ИПП В.А. Гассиева, 2017. 224 с.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: АН УССР, 1959. 180 с.
- Тайны Махчешского лабиринта. Достояние планеты. 09.11.2018. — <https://dostoyanieplaneti.ru/5738-tainy-mahcheskogo-labirinta>.
- Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: ИПП им. В. А. Гассиева, 1996. 437 с.
- Яхтанигов Х. Х. Северокавказские тамги. Нальчик: Лейтан-ибн-Марат, 1993. 203 с.
- Яценко С. А. Искусство у порога иного мира. Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М., 2017. № 10. Вып. 2. С. 269–279.
- Яценко С. А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. Stratum plus. Кишинев, 2018а. № 6. С. 217–242
- Яценко С. А. Оселки с несколькими тамгами на территории Сарматии. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь, 2018б. Вып. 10. С. 72–89.
- Яценко С. А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I–IV вв. н.э. Античность, скифы, сарматы. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2020. С. 409–420.
- Яценко С. А. О фольклорных образах в культуре ранних кочевников, близких ала-но-осетинской традиции. NARTAMONGAÆ. Владикавказ, 2022. №№ 1–2. С. 343–364.
- Яценко С. А. О некоторых группах осетинских и аланских тамг. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий (Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16). Ставрополь, М.: Печатный двор, 2023. С. 436–468.

Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Элэм, 2020. 288 с.

Яценко С. А., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Табалдыев К. Ш., Баратов С. Р., Ильясов Дж. Я., Бабаяров Г. Б. Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, 2019. 452 с.

Яценко С. А., Рогожинский А. Е. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. МАИАСП. Нижневартовск, 2021. № 13. С. 733–767.

Яценко С. А., Сланов А. А., Хутинаев А. Х. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы. МАИАСП. Нес-Циона, 2023. № 15. С. 555–589.

Яценко С. А., Чореф М. М. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. Stratum plus. Кишинев, 2022. № 6. С. 137–147.

СОКРАЩЕНИЯ

- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
- СОИГСИ — северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
- ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

ILLUSTRATIONS

Fig. 1. The place where the stone slab with the labyrinth was found near Makhchesk Village: 1 — view of the castle of the Astanov (later — Abisalov) clan from the south; 2 — view from the tower of the Astanov to the south (photo by the author, 2021). The cross and the No 1 mark the location of the plate before 1938.

Fig. 2. The slab with Makhchesk labyrinth in situ before its transportation to Vladikavkaz (photo by E.G. Pchelina, 1938) [Blazhko, Onoshchenko 2022: Figs. 1-2]: 1 — view from the northwest; 2 — view from the southeast (from the road to the Astanov castle).

Fig. 3. The slab from Makhchesk Village in the exposition of the National Museum of the Republic Northern OssetYa — AlanYa (photo by A.A. Tsutsiev, 2024).

Fig. 4. The sides of the slab from Makhchesk Village: 1 — photo by A.A. Tsutsiev, 2024 (view from tamga No 4); 2 — view from tamgas Ns. 2-3 [Secrets 2018].

Fig. 5. Types of labyrinths in the cultures of the SarmatYans and Medieval Alans: 1 — a slab of the outer wall of Bayte III sanctuary (photo by A.E. Afanasiev); 2 — drawing of graffiti on the slab [Yatsenko 2017: Fig. 1, 1]; 3 — stone with cup series No. 2 on the Kyafar Hillfort (the unknown photo author).

Fig. 6. Images on a stone slab from Makhchesk Village (author's drawing).

Fig. 7. Ancient and “ethnographic” analogies of tamgas Ns. 1 and 2 on a Makhchask slab: 1 — a slab with tamgas in the house wall in GalYat Village (photo by the author, 2020); 2 — the door of Aydarov family guesthouse in Lower Kani Village [Yatsenko 2023: fig. 9]; 3 — a tower in Beini Village [Dzaurova 2019: 291]; 4 — fragment of a plate from Tanais, Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks (drawing by S.M. Ilyashenko); 5 — fragment of a flask with tamgas from Boka-tobe Fortress [Yatsenko et al. 2020: Fig. 6-9]; 5a — tamga type in Boka-tobe (author’s drawing).

Fig. 8. The Bitarov Tower in Badjin Village (photo by the author, 2024): 1 — view from the east [Yatsenko 2000: fig. 2]; 2 — the northeastern wall; 3 — the southern corner; 4 — [Zakaraya 1969: fig. 43].

Fig. 9. The most significant graffiti sites of the Bitarov Tower: 1 — the entrance opening of the second floor with the tamga of the Bitarov clan (north-eastern wall); 2 — the inscription and tamga of Saba Dzebisov (south-western wall); 3 — a four-fingered hand (south-eastern wall); 4 — an arc-shaped figure and crosses (south-eastern wall); 5 — the figure of an animal and tamga (southeastern wall). Photos 3 and 5 are given “on the left side” (photo by the author).

Fig. 10. The main graffiti of the Bitarov Tower and the analogy of one of the tamgas (8): 1 — tamga and palm to the left of the main entrance (2nd floor), northeast wall; 2 — tamga, southeast wall; 3 — tamga to the right of the main entrance, north-eastern wall; 4 — inscription and tamga of Saba Dzebisov, south-eastern wall; 5 — four-fingered palm, south-western wall; 6 — animal and part of tamga, south-eastern wall; 7 — geometric compositions, south-western wall; 8 — graffiti distribution plan; 9 — tamga on the big ‘khum’ vessel from Altyntobe Hillfort. Drawings by the author; photo by A.G. Donets.

Fig. 11. Tamgas on fortified houses (ganakh): 1 — Upper Okrokana Village (photo by A.A. Slanov); 2 — graffiti (author’s drawing); 3 — Kamunta Village, crypt 2 [Tmenov 1996: fig. 79]; 4 — Ezmi Village, tower [Dzaurova 2019: 322]; 5 — Edys, tamga on the house of the Albegov clan (photo by G.S. Karsanov, 2024); 6 — single tamgas on the houses in Edys Village (author’s drawing).

Fig. 12. Tamga of the Dudarov princes on a cattle stamp from Rekom Sanctuary and analogies: 1 — the stamp in Rekom (fig. of E.G. Pchelina, 1936). National Museum of North Ossetya — Alanya Republic, 3614/42125, No. 51245; 2 — accumulation of tamgas on the wall of Dudarov clan house in Chmi Village (fig. by A.P. Kruglov, 1934); 3 — the tower between Balkoy and Tsinge Villages [Dzaurova 2019: 284]; 4 — Tanais, 1994 y. (drawing by S. M. Ilyashenko).

Fig. 13. The main OssetYan villages mentioned in the article (main points and analogies), and the centers of autonomous mountain communities (author’s drawing).

REFERENCES

Arzhantseva I. A., Albegova Z.Kh. Kul'tovye kamni Kyafarskogo gorodishcha. Drevnosti Severnogo Kavkaza. Moskva: Institut arkheologii RAN, 1999. S. 183–200.

Bzarov R. S. Digorskoe obshchestvo Alanii: ocherki sotsyal'noi istorii. Vladikavkaz: IPTS SOGU, 2020. 144 p.

Blazhko A. V., Onoshchenko V. V. «Vesomyi vklad»: E.G. Pchelina i makhcheskii labirint (muzeino-arkheologicheskaya zarisovka). Arkheologiya, etnografiya i Yazyki Kavkaza. SPb., 2022. Vyp. 3. S. 118–151.

Vinokurov N. I., Yatsenko S. A., Choref M. M. Seriya tamg na sosude s gorodishcha ArtezYan: kontekst nakhodki. Stratum plus. Kishinev, 2024. no 6 (v pechati).

Gatiev B. Sueveriya i predrassudki u osetin. SSKG. Tiflis, 1876. Vyp. IX. S. 1–83.

Dzaurova T. A.-Kh. Ingushskii natsional'nyi ornament. Moskva: Delibri, 2019. 376 p.

Drachuk V. S. 1975. Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: Naukova dumka, 1975. 176 p.

Zakaraya P. Drevnie goroda i kreposti Gruzii. Tbilisi: Merani, 1969. 280 p.

Ivanov Vyach. Vs. Ob odnom tipe arkhaisnykh znakov iskusstva i piktografii. Rannie formy iskusstva. Moskva: Iskusstvo, 1972. S. 105–148.

Kokiev G. Boevye bashni i zagradytel'nye steny gornoi Osetii. Izvestiya IUGO-Osetinskogo NII kraevedeniya. Stalinir, 1935. Vyp. 2. S. 217–234.

Kuznetsov V.A. Rekom, Nuzal i TSarazonta. Vladikavkaz: Ir, 1990. 200 p.

Krauze E. Slavyanskii kliuchi k nordicheskemu mifu. Moskva: Veche, 2012. 400 p.

Lavrov L. I. Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza. L.: Nauka, 1978. 184 p.

Marzoev I.-B. T. Privilegirovannye sosloviya na Kavkaze v XVIII — nachale KHKH vekov. Vladikavkaz: Pero i kist', 2014. 416 p.

Marzoev I.-B. T. Damgæ. Alaniya ot A do Ya. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2021a. S. 118–122.

Marzoev I.-B. T. Tagaurskie aldary Dudarovy i obshchestvenno-politicheskie sobytiya na Severnom Kavkaze XVIII–XIX vv. Izvestiya SOIGSI. Vladikavkaz, 2021b. Vyp. 39. S. 34–48.

Miller A. A. Drevnie formy v mater'yal'noi kul'ture sovremennogo naseleniya Dagestana. Mater'ialy po etnografii. L., 1927. T. 4. Vyp. 1. S. 15–76.

Slanov A. A. Istoricheskie oblasti Iuzhnoi Osetii. Vladikavkaz: IPP V.A. Gassieva, 2017. 224 p.

Solomonik E. I. Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya. Kiev: AN USSR, 1959. 180 p.

Tainy Makhcheskogo labirinta. Dostoyanie planety. 09.11.2018. — <https://dostoyanieplaneti.ru/5738-tainy-mahcheskogo-labirinta>.

Tmenov V. KH. Zodchestvo srednevekovoii Osetii. Vladikavkaz: IPP im. V. A. Gassieva, 1996. 437 p.

Yakhtanigov Kh. Kh. Severokavkazskie tamgi. Nal'chik: Leitan-ibn-Marat, 1993. 203 p.

Yatsenko S. A. Iskusstvo u poroga inogo mira. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». M., 2017. no 10. Vyp. 2. S. 269–279.

Yatsenko S.A. Planigrafiya znakov-tamg v nekropol'akh osedlogo naseleniya Sarmatii. Stratum plus. Kishinev, 2018a. no 6. S. 217–242

Yatsenko S. A. Oselki s neskol'kimi tamgami na territorii Sarmatii . Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Stavropol', 2018b. Vyp. 10. S. 72–89.

Yatsenko S. A. Ispol'zovanie sarmatskikh tamg zapadnymi i severnymi sosedYami sarmatov v I–IV vv. n.e. . Antichnost', skify, sarmaty. Voronezh: IPTS «Nauchnaya kniga», 2020. C. 409–420.

Yatsenko S. A. O fol'klornykh obrazakh v kul'ture rannikh kochevnikov, blizkikh alano-osetinskoj traditsii. NARTAMONGA. Vladikavkaz, 2022. no№ 1-2. C. 343–364.

Yatsenko S. A. O nekotorykh gruppakh osetinskikh i alanskikh tamg . Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegaiushchikh territorii (Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Vyp. 16). Stavropol', Moskva: Pechatnyi dvor, 2023. S. 436-468.

Yatsenko S. A., Avizova A. K., Torgoev A. I., Saipov A., Kulish A. V., Kitov E. P., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Erzhigitova A. A., Torezhanova N. Zh., Tur S. S., Ivanov S. S. Arkheologiya i istoriya Kangiuisikogo gosudarstva. Shymkent: Ælem, 2020. 288 p.

Yatsenko S. A., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Tabaldyev K. Sh., Baratov S. R., Il'yasov Dzh. Ya., Babayarov G. B. Tamgi doislamskoi TSentral'noi Azii. Samarkand: Mezhdunarodnyi institut tsentral'noazYatskikh issledovaniy IUNESKO, 2019. 452 p.

Yatsenko S. A., Rogozhinskii A. E. Neskol'ko zametok o znakakh-tamgakh sarmatov i ikh sosedei . MAYASP. Nizhnevartovsk, 2021. no 13. C. 733–767.

Yatsenko S.A., Slanov A.A., Khutinaev A.KH. Osetinskie graffiti na postroikakh verkhov'ev Bol'shoi Lyakhvy . MAYASP. Nes-Tsiona, 2023. no 15. S. 555–589.

Yatsenko S.A., Choref M.M. Ob atributsii statera tsarya Mitridata, naidennogo v 2013 g. pri raskopkakh gorodishcha ArtezYan. Stratum plus. Kishinev, 2022. no 6. S. 137–147.

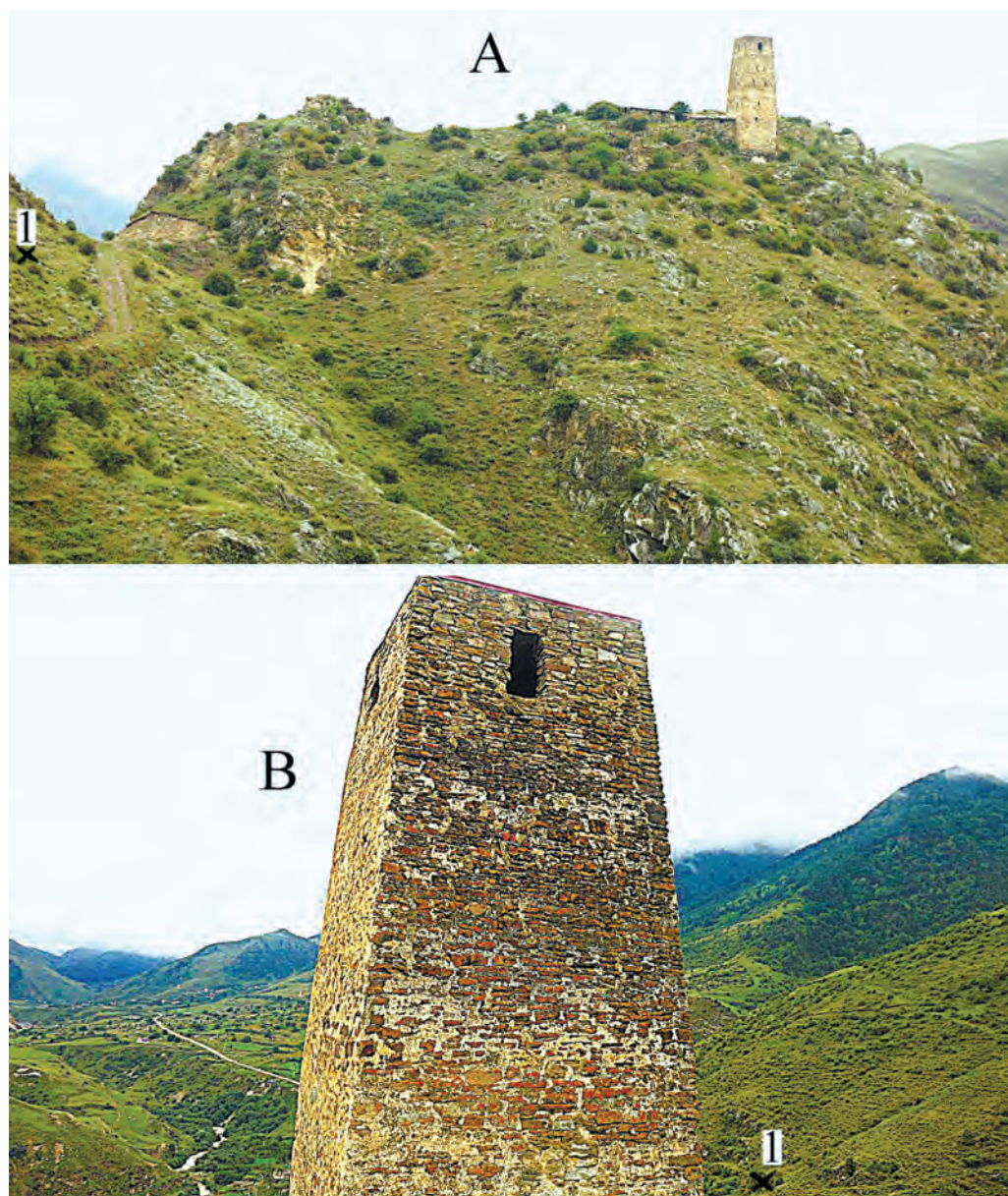

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

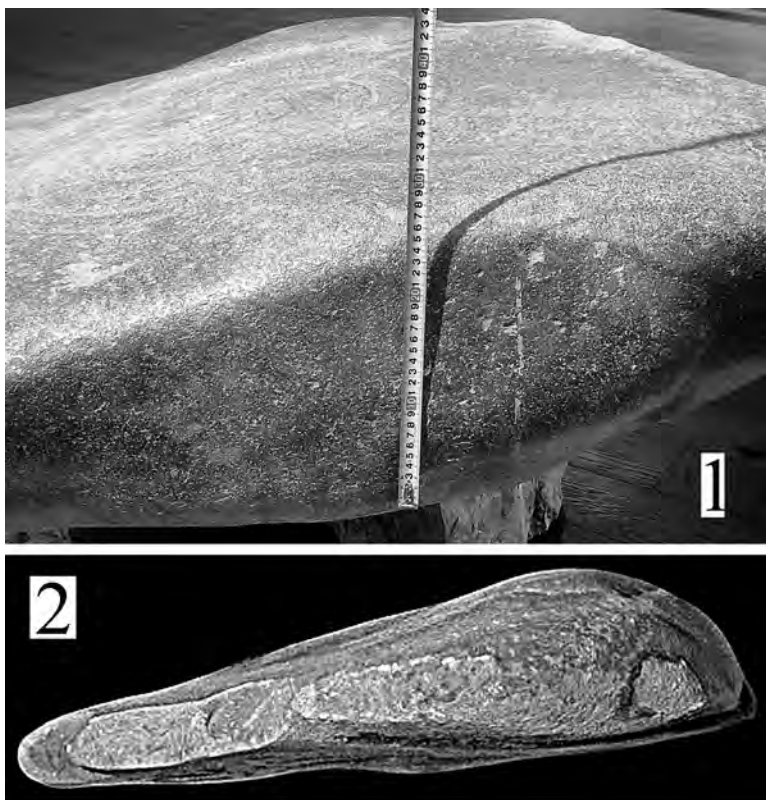
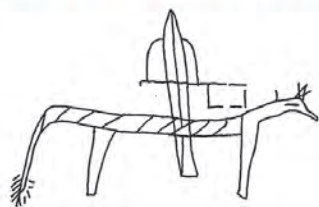

Рис. 4

1

№ 16

2

3

Рис. 5

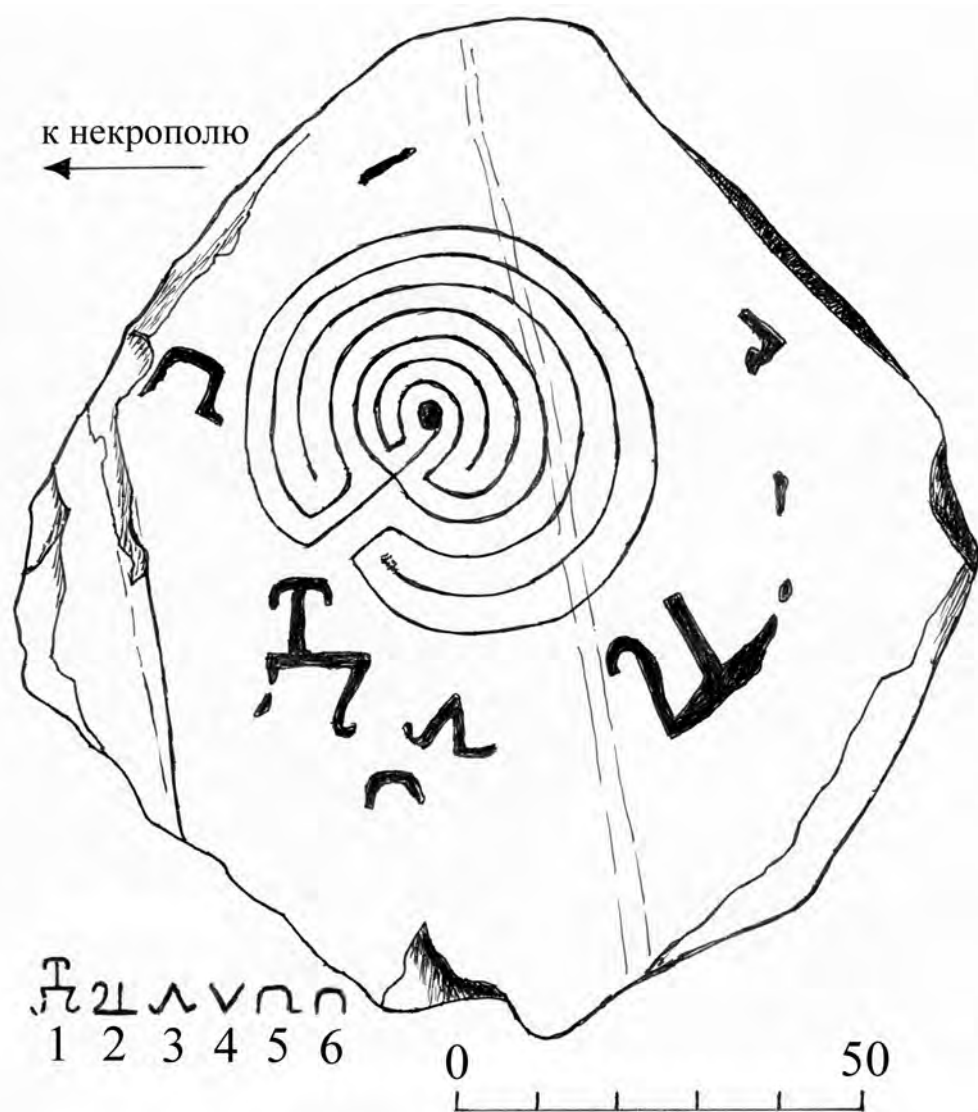

Рис. 6

Рис. 7

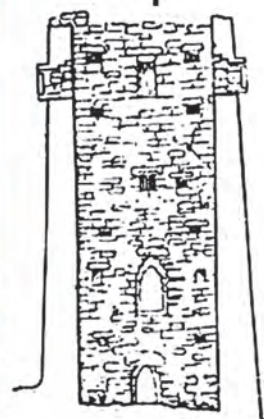
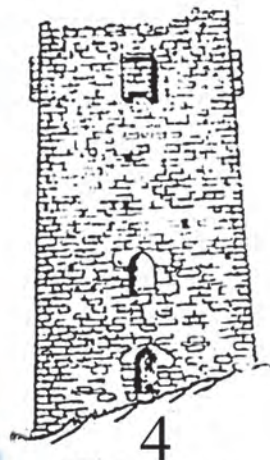

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

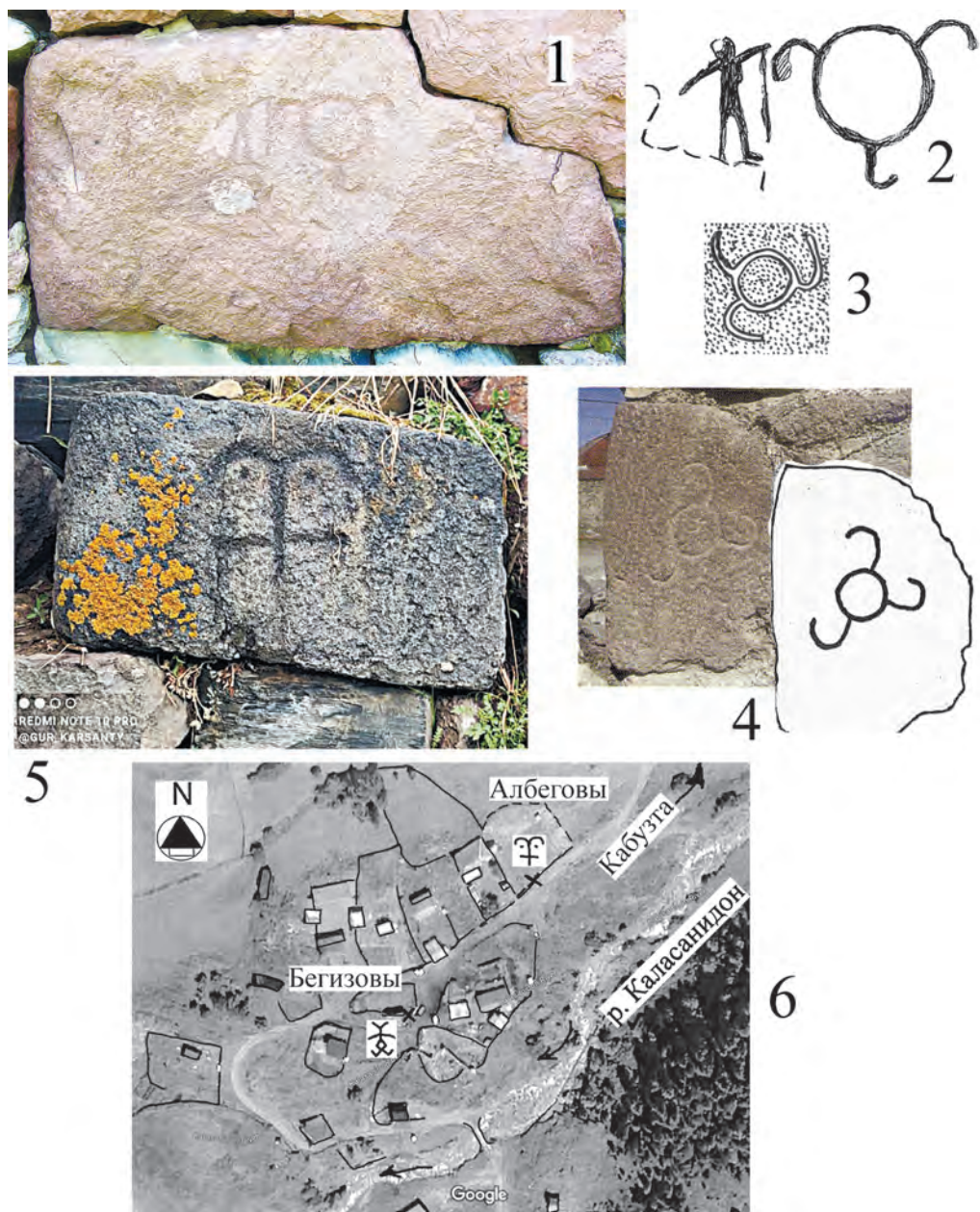

Рис. 11

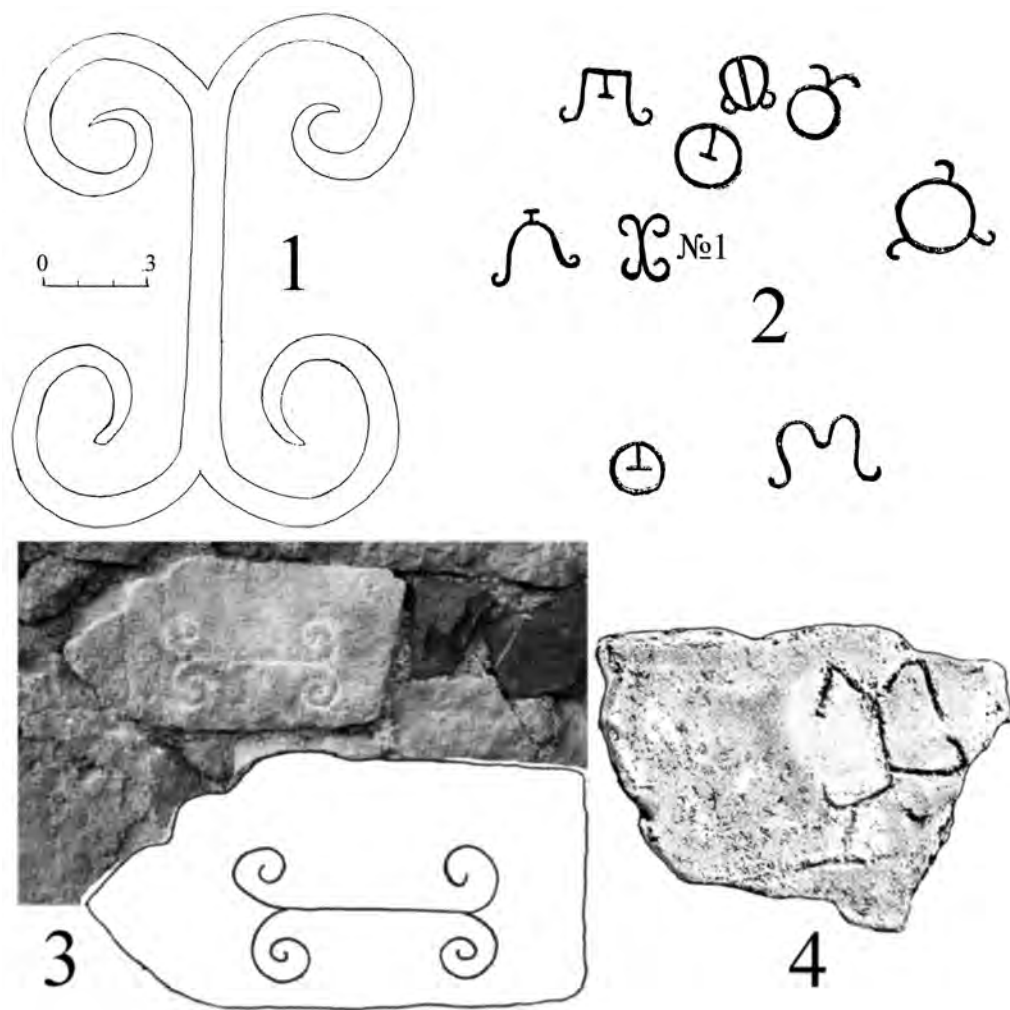

Рис. 12

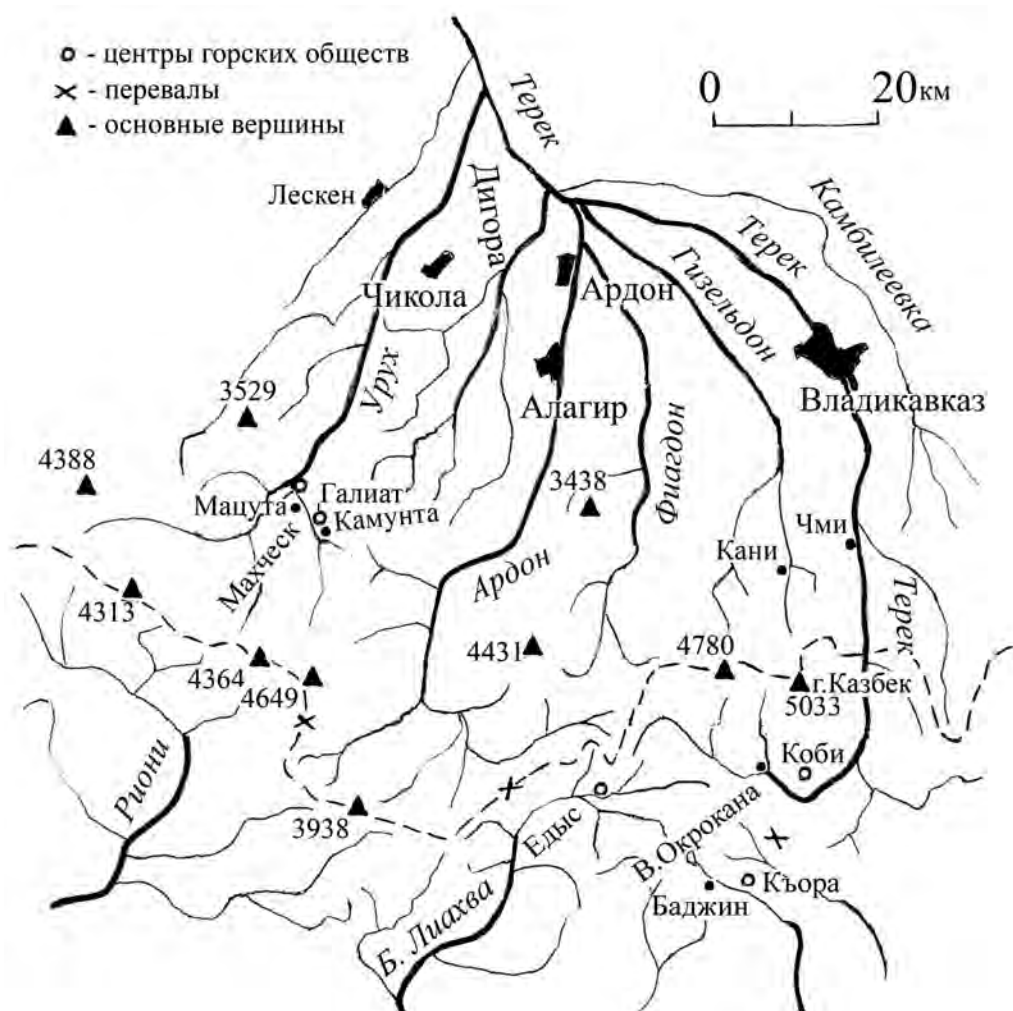

Рис. 13